

**Томская епархия Русской Православной Церкви
Администрация Томской области
Мэрия г. Томска
Совет ректоров вузов г. Томска
Институт развития образовательных систем РАО
Томский Областной Институт ПКРО**

*Православное наследие как источник
духовного и
общественного развития России*

**Материалы XXII-ых Духовно-исторических чтений памяти
святых равноапостольных Кирилла и Мефодия**

Томск – 2013

РОЛЬ ПРАВОСЛАВИЯ В ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

СИБИРСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ РУКОПИСЕЙ НА БЕРЕСТЕ

О.Н. Бахтина

Томский государственный университет, г. Томск

В 1982 году в Томский областной краеведческий музей поступила «заимочная коллекция», в которой наряду с бытовой утварью таежного крестьянского поселения была и библиотека, состоящая из рукописных книг, по первоначальной охранный описи она насчитывала 75 книг. Самой ранней рукописью было Евангелие тетрXVI века, основной массив состоял из рукописных книг кон. XIX – нач. XX века, в том числе и ряда рукописей на бересте.

О поздних рукописях на бересте в основном пишут как о явлении экзотическом, но имеющем случайный характер. Совершенно иное дело Томская коллекция рукописей на бересте, насчитывающая в настоящее время около 100 единиц хранения. Это часть крестьянской библиотеки общины-изолята, в количественном отношении приблизительно одна треть всех рукописей. То есть перед нами некий целостный источниковый комплекс. Несомненно, еще предстоит оценить научное значение сибирской находки.

Феномен рукописей на бересте, прежде всего новгородских грамот, осмыслен в гуманитарной науке. Еще в 1951 году в Новгороде археологи открыли новый исторический источник, касающийся русского средневековья – берестяные грамоты. В настоящее время их известно более тысячи. Затем подобные грамоты были найдены, но в меньшем количестве, в Старой Руссе, Смоленске, Твери, Торжке, Москве, Витебске, Мстиславле, Звенигороде Галицком. По предварительным подсчетам в новгородской земле еще хранится около 20 тысяч берестяных грамот. Как отмечает В.Л. Янин в книге «Я послал тебе бересту...»: «Берестень были привычным элементом новгородского средневекового быта. Новгородцы постоянно читали и потом рвали их и выбрасывали, как мы сейчас рвем и выбрасываем ненужные или использованные бумаги: она служила новгородцам, занятым не в какой-то узкой, специфической сфере человеческой деятельности, не была профессиональным признаком. Она стала повседневным явлением» [1, с.30]. В отличие от дорогого пергамента береста была самым демократичным и легкодоступным

материалом в средневековье. Писали на ней острым металлическим или костяным стержнем, или, как его называли на Руси, писалом. На мягкой березовой коре буквы выдавливались или процарапывались. Лишь в редких случаях на бересте писали пером и чернилами.

Известно, что в подавляющем большинстве берестяные грамоты написаны по-древнерусски, и лишь небольшое число по-церковнославянски (есть примеры берестяных грамот, написанных иностранцами, жившими в Новгороде). Тексты на бересте разнообразны. Это и частные письма, и расписки, и долговые обязательства, и завещания, и купчие, и челобитные и другие документы. Реже, но все-таки встречаются, берестяные грамоты церковного и литературного содержания: отрывки литургических текстов, молитвы и поучения. Сохранились также заговоры, загадка, школьная шутка. Закономерно, берестяные грамоты достаточно полно и разнообразно отразили особенности живой разговорной речи [2] и свидетельствуют о высоком уровне грамотности русского средневекового человека. Действительно, новгородские берестяные грамоты представляют живую повседневность русских людей XI-XIV вв. В гуманитарной науке советского времени традиционно считалось, что новгородские берестяные грамоты однозначно свидетельствуют, что русичи очень мало внимания уделяли вопросам веры, но найденные в последнее время грамоты свидетельствуют о другом. Протоиерей Игорь Бычков в специальной статье «Берестяные грамоты об истории Древней Руси» приводит данные из берестяных грамот, в которых встречаются просьбы от Якова к Максиму прислать «чтения доброго», на берестяной чашечке-солонке процарапана библейская загадка, в грамоте конца XII века упоминается священник Елисей Гречин, довольно часто в грамотах упоминается приходское духовенство, о монастырях упоминается в 11 берестяных грамотах. Свою жизнь новгородцы сверяли с церковным календарем, чаще всего упоминается Петров день, к нему в основном были приурочены долговые обязательства. Целый ряд грамот содержат типичные выражения «Бог свидетель, Дай Бог вам радость, Какое Бог даст, Волен Бог и ты» и т.д. Четыре грамоты сообщают об иконах, грамота XII века содержит изображение восьмиконечного креста. Есть даже изображение иконы на бересте. На одной стороне Спаситель, а на другой великомученица Варвара в короне и с крестом. Этот кусочек бересты датируют XI веком. Около 10 грамот относят к богослужению. Священники или певчие выписывали богослужебные тексты на бересту. Например, берестяная книжечка размером 5x5 см, состоящая из 12 страниц содержит воскресные стихиры на «Господи воззвах». Таким образом можно сделать вывод, что новгородские берестяные грамоты отражали все стороны жизни горожан, в том

числе и религиозную жизнь и, действительно, в 1951 году был открыт новый уникальный исторический источник – древнерусские берестяные грамоты [3].

Представляется, что именно знания о новгородских берестяных грамотах могут помочь и в объяснении закономерностей возникновения и функционирования сибирских берестяных рукописей. Прежде всего эти материалы отражают повседневную жизнь таежной общины-изолята. Кроме общинной библиотеки сохранился архив Н.Ф. Коноваловой (ТОКМ, ф. 12676), в котором есть: записки о количестве снесенных курочками (приводятся их клички) яйцах, песни, частушки, рисунки, записки к Наталье Коноваловой и ее собственные записки, «дневниковые записи», молитвы и т.д. Но так же, как и в случае с новгородскими берестяными грамотами, в Томской коллекции есть целый ряд берестяных рукописей духовного содержания: это сборники выписок из сочинений Ефрема Сирина, Иоанна Златоуста, из Патериков и т.д. То есть можно говорить об определенной типологической близости состава древних берестяных грамотах и сибирских рукописях на бересте XX века. Но все-таки остается открытым вопрос о том, зачем писали на бересте в древнем Новгороде и сибирском скиту в XX веке. Прежде всего напрашивается элементарный ответ – бумаги не было, поэтому писали на подходящем материале. Однако такой ответ не исчерпывает существа проблемы. В связи с этим продуктивным представляется взгляд Д.М. Буланина, который считает, что «в словах и цифрах берестяных грамот скрывается не совсем тот смысл, какой историки привыкли в них вкладывать» [4, с.39]. Исследователь обращает внимание на символическое значение кириллицы [5], ради которого и писались, и царапались слова и фразы на бересте. Он пишет о многоступенчатом значении, семантической глубине, скрывающейся за любым написанным словом и высказыванием. Это самое существенное в характеристике текстов средневековых славян, добавим, написанных полууставным письмом кириллицы. В этой связи осознается важность находки сибирских берестяных рукописей.

Появление рукописей на бересте в сибирском таежном поселении связано, с одной стороны с конкретной социокультурной и бытовой ситуацией жизни общины-изолята, а с другой, с потребностью православного человека писать кириллицей и это составляет «часть религиозного культа», как справедливо заметил Д.М. Буланин в названной выше работе.

По собранным данным [6] в верховьях речки Елтыревой (приток Кети) Колпашевского района Томской области проживало более 10 семей: Е.Ф. Бочкарева, Г. Коновалова (Гаврилушки), Ф.И. Коновалова, С.И. Коновалова (с сыновьями Антоном и Лукьяном), некоего Григория

(с сыновьями), И.К. Хохлова, некой Феклы Ивановны (с мужем), М.П. Пастухова (с женой Антониной – заимка называлась по ее имени – Тонюшкино «поместье»), некоего Миши (Мишино «поместье»), Воробьевых, Тиуновых. «Поместья», так называли жители свои заимки, располагались на расстоянии 2-10 км друг от друга. Первые «поместья» на р. Елтыревой появились, видимо, в конце XIX века. Заново осваивать эти места начала семья Гаврилушки Коновалова, поселившаяся на заимке Жегаловской (от «жегало» – горелое место). Г. Коновалов приехал сюда в 20-е гг. XX века, он был уже в зрелом возрасте, имел сына Степана и сестер Марию и Елену, умерших здесь в глубокой старости в конце 60 – начале 70-х годов XX века.

Поселенцы вели типично крестьянский образ жизни: распахивали участки земли, сеяли хлеб (рожь, ячмень), выращивали овощи, добывали орех, ловили зверя и рыбу. Некоторые строго соблюдали старую веру, имели книги, читали их, переписывали, в том числе и на бересте.

Наследником Г. Коновалова стал его племянник Федор Иванович Коновалов, который поселился на Елтыревой в 1927 году, придя с р. Кёнги Бакчарского района Томской области. Будучи старообрядческим наставником он имел много книг, обучил грамоте дочь Наталью. По свидетельству В.И. Тиуновой, она писала книги, в том числе и на бересте. Умерла Н.Ф. Коновалова в преклонном возрасте в 1982 году. В ее «поместье» еще в 1979 году, после смерти мужа Федора Ивановича Тиунова, перебралась Васса Ивановна Тиунова, ставшая последней обитательницей поселений на р. Елтыревой. Вскоре оставшуюся одну мать вывез на вертолете сын, Петр Федорович Тиунов, и книги продал в Томский областной краеведческий музей. Таким образом можно сказать, что «коллекция Тиунова» представляет собой общинную библиотеку (или ее остатки) обитателей «поместий» на р. Елтыревой. Это была библиотека «живого» обращения. Основу ее составляют выписки необходимых или чем-то понравившихся произведений, молитвы, бытовые записи, рисунки, записки и даже два «дневника» – Островной летописец за 1923-1929 гг. [7] Видимо, его вел Г.Коновалов, умерший в 1929 году или Григорий, живший на Березовом острове и построивший упомянутый в летописце ветряк. Своего рода продолжением «местной летописи» является «Книга Пасхальная», которую писала на бересте Наталья Коновалова в 1956-1975 гг. [8] Несомненно, в этих текстах просматриваются древнерусские летописные повествовательные традиции [9]. Таким образом рукописи на бересте должны быть рассмотрены в контексте сохранившейся некогда в прошлом живой крестьянской библиотеки. Охранная опись этой библиотеки была сделана после ее поступления в фонды Томского областного краеведческого музея [10] и составляла 75 единиц хранения. Это рукописные книги XVI-XX веков, среди них:

Евангелие тетр (От Луки и от Иоанна), Пролог, Слова постнические Исаака Сирина, Псалтирь толковая, Псалтирь с воследованием, Апокалипсис, Азбука певческая, Месяцеслов, Житие Иоанна Златоуста и др., сборники выписок из патериков, из Толкового евангелия, из книги бесед Иоанна Златоуста, из Жития Василия Великого, фрагменты рукописей, выписки, записки и рисунки, в том числе на бересте.

Берестяные рукописи могут многое дать для понимания повседневной жизни таежного поселения в Сибири через внимательное прочтение «летописцев» и «дневников» в сопоставлении с найденными частными записками, письмами и хозяйственными заметками. Основу модели мира русского крестьянина составляет христианское учение о единстве Божьего мира и человека. Сущностными категориями являются: Белый свет, земля, небо, вода, социально-нравственные представления о труде, хлебе насущном. Крестьянскому сознанию свойственно восприятие мира не умом, а через сердечное сокрушение, через особую «грамотность духа». Этот материал позволит, на наш взгляд, объяснить, каким образом традиция рукописания (конфессионального и бытового), в том числе и на бересте, становилась средством складывания и поддержания единства изолированного от внешнего мира коллектива и осмысления окружающей действительности русским крестьянином XX века, оказавшимся в Сибири. Именно конфессиональный текст позволял провести границу с иноверным миром и реконструировать собственную этноконфессиональную идентичность.

Кроме того, человек, переписывая и перечитывая книги, сохранял таким образом символическое значение конфессионального текста, в котором, с одной стороны, были зафиксированы жизненно важные для него смыслы, упорядочивающие его жизнь. С другой стороны, переписывая тексты собственноручно, православный благочестивый человек приобщался к «семантическим глубинам» кириллицы. Это был обязательный элемент обрядовой жизни христианина и в древнем Новгороде, и в сибирском скитском поселении XX века.

Список литературы

1. Янин В.Л. «Я послал тебе бересту...» 3-е изд. 1998.
2. См. об этом: Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 1995.
3. См. об этом: Черепнин Л.В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1968.
4. Буланин Д.М. Традиции и новации в интерпретации русской письменной культуры первых веков. СПб., 2010.
5. См. об этом: Данилевский И.Н. Символическое восприятие кириллицы на Руси // Кириллица от возникновения до наших дней. СПб.: Алетейя, 2011. – С. 9-19.

6. В сборе материала о поселениях на речках: Елтыревой, Пайдугиной, Жегаловой кроме сотрудников археографической лаборатории ТГУ принимали участие доцент ТГУ Э.Л. Львова и директор ТОКМ в 1986-1996 гг. Н.Я. Сергеева.

7. См. публикацию текста и комментариев: Приль Л.Н. Островной летописец // Труды ТОКМ, 1995, № 8. – С. 183-221.

8. См. публикацию текста и комментариев: Мальцев А.И. «Книга пасхальная» – берестяной старообрядческий дневник за 1956 – 1975 гг. // История русской духовной культуры в рукописной наследии XVI-XX вв. Новосибирск, 1997. – С. 264-272.

9. См. об этом: Бахтина О.Н. Старообрядческая библиотека XX века. Функциональный аспект // Теоретические и прикладные аспекты филологии. Томск, 2003. – С. 258-261.

10. Бахтина О.Н. Сибирская крестьянская библиотека. Новые поступления Томского областного краеведческого музея // Государственные и частные библиотеки. Русская книга в дореволюционной Сибири. Новосибирск, 1987. – С. 139-161.